

Некомфортное искусство Яана Тоомика: крик одиночества российский зритель не услышал

ТАЛЛИНН, 16 фев — [Sputnik](#), Тимур Селиванов. Знакомство с выставкой начинается со знакомства с самим Яаном Тоомиком и куратором [Виктором Мизиано](#).

Он уже показывал отдельные работы эстонского художника в [России](#), а планы организовать персональную выставку Тоомика витали в воздухе последние пять лет. По хронологическому и тематическому охвату «В моем конце — мое начало» — самая насыщенная в персональной истории художника. В ней представлены и живопись, и скульптура, и видеоклипы.

Художник [Яан Тоомик](#)

Двадцать два гроба

Такая насыщенность привела к издержкам: Тоомик сетует, что от некоторых работ, приехавших в [Москву](#), он уже отошел и не чувствует их своими. Как пример «чужой» работы он похлопывает по гигантской инсталляции: 22 простых нелакированных гроба без крышек, поставленных вертикально и сбитых в тоннель с прорезью по центру.

Впрочем, во время рассказа о гробовом ансамбле художник оживает и будто присваивает эту свою работу обратно: «Когда я пришел в похоронное бюро и заказал 22 гроба, менеджер посмотрел на меня с большим подозрением. Это было криминальное время, 90-е годы. Но потом работники заинтересовались и выполнили этот заказ с удовольствием: обычно-то они занимаются довольно тяжелыми, неприятными вещами».

"Двадцать два" — неслучайная цифра: в каббалистической системе она означает жизненный цикл. По мысли художника, человек

проходит его сквозь череду смертей и рождений — то есть, буквально, сквозь узкий тоннель, пропиленный сквозь днища гробов.

Такие разные поколения

Мизиано считает себя нетипичным русским куратором. Он всегда был внимателен к художникам из бывших советских республик, в то время как его коллеги и публика были заморожены западом — Лондоном и Нью-Йорком.

Зрители на персональной выставке Яана Тоомика

"[Василий Церетели](#), директор Московского музея современного искусства, как-то раз вызвал меня на откровенный разговор: «Колись! Почему ты, самый европейский куратор, тащишь к нам то эстонцев, то казахов, то армян с грузинами?», — рассказывает Мизиано. — А я просто искренне реагирую на их произведения, испытываю к ним особое чувство родства, близости, и не хочу этим тяготиться".

"Колесо обозрения": мост, построенный из красок >>

Творчество Тоомика куратор также объясняет через общий опыт развала Советского Союза. По мнению Мизиано, художник выразил чувства поколения 90-х с необыкновенной силой и точностью. Поэтому трагическое и некомфортное искусство эстонца может показаться неуместным поколению «нулевых» с их стремлением к «комильфотности» и гламуру.

Зрители на персональной выставке Яана Тоомика

"Во многих своих работах Яан пытается прорваться к каким-то базовым, лишенным иерархий формам жизни. При этом выход за рамки для него очень травматичен. Конечно, эти переживания напоминают крах государственной системы, которая казалась нам незыблемой", — отмечает Мизиано.

Маленькие трагедии

В темных залах горят экраны и проекторы. На них художник скользит, обнаженный, по льду Балтийского моря, бьется в истерике за рулем автомобиля, кричит, стоя у водопада, падает с дерева в яму. В других залах демонстрируют минифильмы: про секс, про веру, про самоубийство, а в итоге — про одиночество.

Зрители на персональной выставке Яана Тоомика

Трагичность работ Тоомика невольно усиливают первые посетители выставки. Среди публики с бокалами люди на экранах и картинах кажутся неуместными и одинокими. Отчаяние, с которым художник танцует на могиле своего отца в видео *Dancing with Dad* ("Танцую с папой"), становится банальностью от окружающей болтовни и смеха. Ключевая работа выставки — видео «Чайки». Тоомик, захлебываясь на дне бассейна, кричит что-то в резиновый шланг. Тонет и кричит, кричит и тонет в зацикленном видео, но его вопли не прорываются сквозь шум пресс-показа.

Виктор Мизиано считает, что художник обречен на коммуникацию, на невольное обращение к окружающим, даже когда он «творит для себя» — но редко когда окружающие это обращение слышат.

Не только маринисты: итоги эстонского искусства за сто лет подводят в Москве >>